

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛУТАРХ
МОРАЛИИ

PLUTARCHI CHAERONENSIS
SCRIPTA MORALIA

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Л. А. ФРЕЙБЕРГ и М. Л. ГАСПАРОВА

Перевод с древнегреческого
Н. Н. Трухиной
под редакцией *А. Ч. Козаржевского*

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ПЛУТАРХ
ОБ ИСИДЕ И ОСИРИСЕ

41. Однако, смешивая с природными причинами астрономические, полагают также, что Тифоном называется солнечный мир, а Осирисом — мир лунный¹³⁵. Говорят, что луна, имея свет животворный и порождающий влагу, благоприятна и для размножения животных, и для цветения растений, а солнце неумеренным и жестоким огнем жжет и иссушает все растущее и цветущее, жаром своим делает необитаемой большую часть земли и часто одерживает победу над луной. Поэтому египтяне всегда называют Тифона «Сет», что значит «повелевающий» и «губящий». Миф рассказывает, что Геракл, обосновавшись на солнце, странствует вместе с ним, а Гермес — с луной¹³⁶. И проявления луны подобны проявлению разума и совершенной мудрости, а действия солнца — ударам, совершаемым насилем и мощью. Стоики также говорят, что солнце поднимается из моря и вскармливается им, а для луны сладостные и нежные испарения посылает вода источников и озер.

42. Египетские сказания утверждают, что смерть Осириса наступила в семнадцатый день месяца, когда особенно очевидным становится завершение полнолуния. Поэтому пифагорейцы такой день называют преградой и вообще избегают этого числа. Ибо семнадцать, вторгаясь между шестнадцатью и восемнадцатью — числами, образующими квадрат и прямоугольник, которые из всех плоских фигур одни только имеют периметр, равный занимаемой ими площади, разгораживает и отделяет их друг от друга и разрушает эгогоническое отношение, само делясь на неравные части¹³⁷.

¹³⁵ Продукт позднего развития мифа.

¹³⁶ Гермес отождествляется с лунным божеством Тотом. Связь Геракла с солнцем обнаруживается в мифе о быках Гериона.

	1	2	3	4	
16	1	2	3	4	5
15	5	6	7	8	6
14	9	10	11	12	7
13	13	14	15	16	8
	12	11	10	9	

	1	2	3	4	5	6	
18	1	2	3	4	5	6	7
17	7	8	9	10	11	12	8
16	13	14	15	16	17	18	9
	15	14	13	12	11	10	

Что касается счета годов, то одни говорят, что Осирис жил, а другие — что он царствовал 28 лет. Ибо таков цикл луны и за столько дней завершает она свой круг. А из дерева, которое срубают на так называемых могилах Осириса, изготавливают серпообразный саркофаг, потому что луна, приближаясь к солнцу, скрывается и превращается в месяц. И четырнадцать частей, на которые был растерзан Осирис, указывают на дни, когда светило умирает от полнолуния до новолуния. День же, в который оно впервые появляется, вынырнув из солнечных лучей и миновав солнце, именуется «бесконечным благом»: ибо благодетелем Осирис, и многое означает его имя, и не в последнюю очередь им обозначают действенную и благотворную силу. Также второе имя Осириса, Омфис, по словам Гермеса¹³⁸, в точном переводе означает «благодетель».

43. Полагают, что некоторые указания на периоды луны содержат и разливы Нила. Самый большой из них у Элефантины поднимается на двадцать восемь локтей, а таково число мер и суток каждого месячного цикла; самый мелкий у Мендеса и Ксоиса имеет шесть локтей в честь полумесяца; средний у Мемфиса, когда он правилен, — четырнадцать локтей в знак полнолуния. Также считается, что Апис — одушевленный образ Осириса и что он зачинается, когда животворный свет луны нисходит на ярящуюся корову и пронизывает ее¹³⁹. Поэтому многие свойства Аписа напоминают особенности луны, и светлые места его кругом покрыты темными пятнами¹⁴⁰. Далее, в новолуние месяца Фаменота египтяне справляют праздник, который они называют восхождение Осириса на луну и который является началом весны. Помещая, таким образом, энергию Осириса на луну¹⁴¹, они говорят, что Исида, будучи для него началом женским, пребывает с ним как жена. Поэтому они называют луну матерью мира и считают, что она имеет природу и мужскую, и женскую, что она зачинает и беременеет от солнца, но и в свою очередь испускает в воздух животворные элементы, осеменяя его¹⁴². Ибо не всегда берет верх разрушительная сила Тифона, часто она бывает побеждена и скована энергией плодотворения, а потом опять освобождается и сражается с Гором. Последний же — это земной порядок, не чуждый всецело ни смерти, ни рождению.

44. Некоторые толкуют миф как иносказание о затмениях. Ибо лунное затмение происходит, когда полная луна занимает положение против солнца и из-за этого попадает в тень земли, как по рассказам Осирис — в гроб. Затем в свою очередь луна закрывает и затемняет солнце на тридцатый день месяца, но не губит его совсем, как Исида не губит Тифона. И когда Нефтида родила Анубиса, Исида приняла его как своего ребенка; ибо Нефтида — это то, что под землей и невидимо, а Исида — то, что над землей и зримо. Соприкасающаяся же с ними и называемая горизонтом окружность, общая обеим, названа Анубисом и изображается в виде соба-

Эпогонический — содержащий целое и $\frac{1}{8}$ его часть. Здесь наличествует эпогоническое

отношение между двумя числами: 16 (целое) + $\frac{1}{8} \cdot 16$ (восьмая часть) = 16 + 2 = 18.

В конце фразы, скорее всего, содержится указание на нечетность «семнадцати».

¹³⁸ FHG IV, стр. 427; FG rHist. III C, № 620, fr. 2. У Элиана встречается священный бык Онуфис. De Nat. Anim. XII, 11.

¹³⁹ A e l i a n., De Nat. Anim. XI, 10.

¹⁴⁰ Сравнение с лунными пятнами? Исконный египетский Апис носил между рогами солнечный диск. М. А. К о р о с т о в ц е в, Религия древнего Египта, М., 1976, стр. 15. О черно-белой масти Аписа см. S t r a b o, XVII, 1, 31.

¹⁴¹ В рассказе о восхождении Осириса на луну этот бог явно играет роль солнца и мужа, чего не замечает Плутарх.

¹⁴² В египетской мифологии дуполость богов прослеживается слабо и редко, согласно исконным египетским представлениям луна имеет мужской пол.

ки, потому что собака равно владеет зрением и днем, и ночью ¹⁴³. Египтяне полагают, что Анубис имеет ту же власть, что у эллинов имеет Геката, принадлежащая одновременно к числу преисподних и олимпийских божеств ¹⁴⁴. Некоторые же считают, что Анубис — это Крон, потому что он все рождает из себя и зачинает (кюо) в себе, за что и получил якобы прозвище собаки (кюон). Таким образом, почитатели Анубиса имеют некое тайное знание, и в древние времена собака получала величайшие почести; когда же Камбиз убил и выбросил Аписа ¹⁴⁵, ни одно животное не подошло и не отведало тела, кроме собаки, — и тогда она перестала быть первой и чтимой более всех других животных. Есть и такие, которые называют Тифоном тень земли, в коей, по их мнению, затмевается соскользнувшая в нее луна.

45. Итак, есть основание сказать, что каждый в отдельности утверждает неправильно, а все вместе — правильно. Ибо ни сухость, ни ветер, ни море, ни мрак, но все, что природа имеет вредного и губельного, можно считать частью Тифона. И не следует искать начало всего сущего в неодушевленных телах, как Демокрит и Эпикур или как стоики ¹⁴⁶ — в творце бескачественной материи, едином Разуме и едином Промысле ¹⁴⁷, который все обнимает и властвует над всем. Ибо невозможно, чтобы возникло какое-либо зло там, где бог — причина всего, и добро там, где бог не сотворил ничего. По Гераклиту ¹⁴⁸, «в мировой гармонии напряжение чередуется с ослаблением как у лиры и лука», а у Еврипида ¹⁴⁹:

Не могут существовать отдельно добро и зло,
Но должно быть некое смешение, чтобы было прекрасно.

И вот почему это древнейшее представление перешло от богословов и законовевов к поэтам и философам, не имея творца своего начала, но обладая твердой и непоколебимой убедительностью и распространяясь не только через рассказ и предание, но также через мистерии и обряды жертвоприношения везде — и у греков, и у варваров: не сама по себе колеблется Всеобщность вне разума, закона и управления ¹⁵⁰, не единый Разум правит ею и направляет ее как бы рулем или властными удилами, но так как природа содержит в себе многое, причем в смешении добра и зла, или, как лучше и проще сказать, не имеет в этом мире ничего несмешанного, то не душой, что один хозяин, распределяя явления как питье из двух бочек, жульнически смешивает их для нас; напротив: из двух противоположных начал и от двух враждебных сил, из которых одна ведет нас направо и по верной дороге, а другая поворачивает вспять и уводит в сторону, произошла сложная жизнь и мир, если не весь, то этот, земной и подлунный, неоднородный, пестрый и подверженный всяким переменам. И если ничто не возникает без причины, а добро не могло бы содержать в себе причину зла, то природа должна иметь особое начало и особый источник как для добра, так и для зла.

46. Таковое мнение большинства мудрейших людей. И одни полагают, что есть два бога, творящих добро и зло и подобных соперничающим ремесленникам, а иные благого называют богом, а другого — демоном, как, например, маг Зороастр, который, как рассказывают, жил за пять тысяч лет

¹⁴³ Данная здесь интерпретация Исиды, Нефтиды и Анубиса не имеет аналогий. Правда, в некоторых храмах встречаются изображения Анубиса, катящего лунный диск.

¹⁴⁴ Геката принадлежит к олимпийскому сонму в ипостаси Селены, но связь с небесной сферой бога некрополя Анубиса неясна.

¹⁴⁵ Herod., III, 29; Aelia p., De Nat. Anim. X, 28.

¹⁴⁶ SVF II, 1108; Diog. Laert., VII, 134.

¹⁴⁷ ὁ λόγος, ἡ πρόνοια.

¹⁴⁸ Vors. I, № 12, B51.

¹⁴⁹ Nauck, fr. 21.

¹⁵⁰ Τὸ πᾶν... ἄνουν καὶ ἀλογον καὶ ἀκὺβερνητον.

до Троянской войны. Он называет одно божество Горомадзом, другое — Ариманием¹⁵¹ и указывает, что из всего чувственного первый более всего подобен свету, а второй — мраку и певедению, середину же между обоими занимает Митра. Поэтому персы называют Митру посредником. Зороастр также учил, что первому божеству надо приносить жертвы обетные и благодарственные, а второму — умилюстивительные и мрачные. Поэтому Гадеса и Тьму¹⁵² призывают они, измельчая в ступе некую траву, называемую омоми; затем, смешав ее с кровью заколотого волка, выносят в место, не знающее солнца, и бросают там: они полагают, что и растения одни принадлежат благому богу, а другие — злому демону. Также из животных собаки, например, птицы и лесные ежи по их мнению — собственность благого божества, а злого — водяные мыши. Поэтому человека, убившего их в большом количестве, они прославляют как счастливца.

47. Однако и они рассказывают о богах много сказочного, например, следующее: Горомадз, произошедший от чистейшего света, и Ариманий, произошедший от тьмы, ведут друг с другом войну. И Горомадз создал шесть богов: первым — бога Добрай Мысли, вторым — Истины, третьим — Справедливости и остальных — Мудрости, Богатства и Творца благих наслаждений. Ариманий же сотворил равное им число соперников. Затем Горомадз, троекратно увеличившись, удалился от солнца настолько, насколько солнце удалено от земли, и украсил небо звездами. Одну звезду, Сириус, он поместил впереди других как стража и дозорного. Сотворив затем еще двадцать четыре бога, он поместил их в яйцо. Равные им по числу боги, произошедшие от Аримания, проникли в яйцо, вследствие чего добро смешалось со злом. Но грядет назначенное судьбой время, когда Ариманий, вызвавший мор и голод, будет за это по справедливости навсегда уничтожен и исчезнет, земля же станет ровной и гладкой, и будет одна жизнь и одно государство у всех людей, блаженных и говорящих на одном языке. А Феопомп¹⁵³ со слов магов утверждает, что на три тысячи лет по очереди один бог побеждает, а другой бывает побежден, затем три тысячи лет они бьются и сражаются, и один разрушает творения другого; но в конце концов Гадес исчезнет, и люди станут счастливыми, не нуждаясь в пище и не строя навеса. А бог, устроивший все это, отойдет на покой и будет отдыхать некоторый срок, который для него, как для бога, невелик, но умерен, как для спящего человека. Таково содержание легендарных историй магов.

48. Халдеи же утверждают, что из планет, которые они называют богами-покровителями, две приносят добро, две — зло и три являются средними, обладая обоими качествами. А мифы эллинов так или иначе известны всем. Благоую часть они приписывают Зевсу Олимпийскому, дурную — Гадесу и рассказывают, что Гармония произошла от Афродиты и Ареса. Из них двоих он — суровый и упрямый, она — кроткая и заботливая. Обратим внимание, что с этим согласны и философы. Например, Гераклит¹⁵⁴ прямо называет войну «отцом, царем и владыкой всего» и говорит, что Гомер, когда он молит: «О, да погибнет вражда от богов и от смертных»¹⁵⁵ — «не замечает, что он проклинает источник всего сущего, ибо источник этот — в борьбе и противоположности»; еще говорит, что «Солн-

¹⁵¹ Т. е. Ормуздом и Ариманом. *Diog. Laert.*, Prol. 2.

¹⁵² *Diog. Laert.*, Prol. 8: Гадес тождествен Ариману.

¹⁵³ FHG I, стр. 289, fr. 72; FGrHist. IIB, № 115, fr. 65. Феопомп Хиосский (род. ок. 378 г. до н. э.) — ученик Исократы, историк; главные его произведения — «Греческая история» и «История Филиппа».

¹⁵⁴ *Vors.* I, № 12, B53.

¹⁵⁵ II. XVIII, 107.

це не переступит положенных пределов, в противном случае его достигнут Лиссы — прислужницы Справедливости»¹⁵⁶. Напротив, Эммедокл¹⁵⁷ называет благое начало «дружбой» и «любовью» и часто — «нежной гармонией», дурное же — «пагубным раздором» и «кровавой борьбой». А пифагорейцы¹⁵⁸ определили принцип добра через многие именованя: единичность, завершенность, постоянство, прямота, нечетность, четырехугольность, равенство, правая сторона, свет; принцип же зла через понятия: двоичность, безграничность, подвижность, кривизна, четность, разносторонность, неравенство, левая сторона, тьма; они считают все это началами, лежащими в основании природы. Анаксагор называет такими разум и беспредельное, Аристотель — форму и лишение, а Платон, часто затемняя и скрывая это, именует одно из противоположных начал торжеством, а другое — различием¹⁵⁹. Но в «Законах»¹⁶⁰, будучи уже более зрелым, он говорит не иносказательно или символически, но в точных выражениях, что мир движет не одна душа, но, может быть, многие и, по крайней мере, не меньше, чем две; из них одна благотворная, а другая — противоположная ей и творит все противоположное. Посередине он оставляет место для третьей природы, не лишенной разума и самостоятельного движения, как полагают некоторые, но связанной с обоими началами, всегда стремящейся к лучшему и тоскующей по нему, и помогающей ему, как пояснит наше дальнейшее изложение, в котором учение египтян о богах более всего сближается с этой философией.

49. Итак, сложны исток и строение мира из-за противоположных и при этом не равномогущих сил: превосходство остается за лучшей. Но и злое начало не может погибнуть совершенно, так как оно присуще значительной части тела и значительной части души Всеобщего и постоянно ведет упорную борьбу с лучшей силой. Поэтому в природе духовной Осирис, владыка и повелитель всего самого благородного, — это мысль и разум¹⁶¹, а на земле, в ветрах, водах, в небе и на звездах все здоровое, устроенное и упорядоченное сроками, сочетаниями и периодами является истечением и подобием Осириса. Тифон же в пределах души — все бурное, титаническое, неразумное и непостоянное, а в материальной части — смертное, вредное, возбуждающее и связанное с неупорядоченными сроками, нарушением пропорций, помрачениями солнца и лунными затмениями; все это — как бы набег и мятеж Тифона. И об этом свидетельствует имя Сет, которым называют Тифона, ибо оно означает «то, что губит» и «то, что совершает насилие», а также часто — «переворот» и опять-таки — «скачок». Некоторые говорят, что Бебон был одним из друзей Тифона, а Манефон¹⁶² пишет, что самого Тифона называют Бебоном; значение же этого имени — «задержка» и «помеха», потому что сила Тифона препятствует явлениям, идущим по надлежащему пути и влекущимся к правильной цели.

50. По этим причинам из домашних животных Тифону посвящают самое

¹⁵⁶ Vors. I, № 12, B94. Лиссы (Λίσσας) — одна из многих возможных интерполяций.

¹⁵⁷ Vors. I, № 24, B18; B17, v. 19; B122, v. 2.

¹⁵⁸ A r i s t., Metaph. I 985b 23 слл.

¹⁵⁹ Анаксагор (500—428 гг. до н. э.): *νοῦς καὶ ἀπειρον*. См. Vors. I, № 46, A1; A41; A43 etc. Аристотель: *εἶδος καὶ στέργσις*; на самом деле Аристотель говорил о форме и материи (*εἶδος, μορφή — ὄλη*) — см. Metaph. VII, 1041b etc. Платон: *ταυτὸν καὶ ἄσπερον* — см. Tim. 35a.

¹⁶⁰ Legg. 896 e.

¹⁶¹ *ὁ νοῦς, ὁ λόγος*.

¹⁶² FHG II, стр. 613, fr. 76; FGHist. IIIC, № 609, fr. 20. Манефон, египетский первосвященник и писатель времени первых двух Птолемеев, известен прежде всего как автор греко-язычной истории Египта; ему принадлежит также ряд других сочинений; Плутарх, очевидно, пользовался его трактатом «Священные книги».

грубое — осла, а из диких — самых необузданных — крокодила¹⁶³ и гиппопотама. Про осла мы уже все объяснили. В Гермополе показывают изображение Тифона в виде гиппопотама, на котором верхом сидит сокол, сражающийся со змеей. В образе гиппопотама представляют Тифона, а в образе сокола — могущество и власть, которых Тифон добивается насильем, часто напрасно, сотрясаясь от злости и сотрясая все вокруг. Поэтому, принося праздничные жертвы в седьмой день месяца Туби, который называют днем исхода Исиды из Финикии¹⁶⁴, египтяне палепляют на хлебцы изображение связанного гиппопотама. А в Аполлонополе существует обычай, чтобы все без исключения ели крокодилов¹⁶⁵. В один день они ловят их столько, сколько могут, а затем убивают, бросают против святилища и рассказывают, что Тифон ускользнул от Гора, превратившись в крокодила, и что все дурные и вредные животные, растения и явления возникают как деяния, части и движения Тифона.

51. Опять-таки Осириса они изображают с помощью глаза и скипетра, первый из которых означает предвидение, а второй — власть; также Гомер¹⁶⁶, называя владыку и царя всего сущего «Зевс повелитель и паставник», через слово «повелитель», как кажется, выражает его могущество, а через «наставник» — благоволение и мудрость. И часто Осириса изображают соколом, ибо тот выдается силой зрения и быстротой полета и по природе таков, что поддерживает себя малым количеством пищи. Рассказывают также, что он, пролетая над непогребенными мертвецами, кидает им на глаза землю¹⁶⁷. Когда же он спускается к реке напиться, то ставит одно перо торчком; напившись, снова опускает его. Отсюда становится видно, что он избежал крокодила и остался цел; а если бы тот его схватил, то перо осталось бы торчащим, как он его поставил¹⁶⁸. И везде показывают человекоподобные изображения Осириса с фаллом, поднятым в знак его производительной и питательной мощи¹⁶⁹. И статуи его одевают в огненные покровы, потому что считают солнце телом благой энергии и как бы зримым выражением сверхчувственной сущности¹⁷⁰. Поэтому достоин презрения тот, кто относит солнечный шар к Тифону, с которым не связано ничего светлого, ничего спасительного, никакого порядка, рождения и движения, обладающего размеренностью и смыслом, но которому присуще все противоположное. И засуху, губящую много животных и растений, надо считать делом не солнца, но ветров и вод, которые несвоевременно смешиваются на земле и в воздухе всякий раз, как владычество силы беспорядочной и необузданной, творя несправедливость, подавляет испарения.

52. В священных гимнах Осириса жрецы призывают его как укрытого в объятиях солнца, а на тринадцатый день месяца Эпифи, когда луна и солнце оказываются на одной прямой, они празднуют день рождения очей Гора, потому что не только луну, но и солнце считают оком и светом Гора. На восьмой день исхода месяца Фаофи, после осеннего равноденствия, справ-

¹⁶³ Крокодил Себек характеризуется египетскими мифами противоречиво: в одних он выступает как благотворительная сила, в других роль его отрицательна. К о р о с т о в ц е в, ук. соч., стр. 104.

¹⁶⁴ В римскую эпоху широко почиталась «морская» Исида: *Isis Pelagia et Pharia*.

¹⁶⁵ *Herod.*, II, 69; *Aelian.*, *De Nat. Anim.* X, 2; *Strabo*, XVII, 1, 47.

¹⁶⁶ II, VIII, 22.

¹⁶⁷ *Aelian.*, *De Nat. Anim.* II, 42; *Porphy.*, *De Abstin.* IV, 9, 45.

¹⁶⁸ Т. е. перо пронзило бы крокодила.

¹⁶⁹ Фаллический элемент в культуре Осириса усилился в эллинистическую эпоху под влиянием культа Диониса.

¹⁷⁰ Термин *νοητός*, употребляемый Плутархом здесь и дальше, призван выразить представление о начале, недоступном чувственному ощущению и открывающемся только человеческой мысли. В переводе более всего напрашивается эпитет «идеальный», однако употребление его было бы слишком смелым привлечением позднейшего, вполне развившегося представления об антипододе материального мира.

ляют праздник рождения посоха солнца, показывая, что светило как бы нуждается в опоре и поддержке, потому что начинает испытывать недостаток тепла и света, склоняясь и вкось удаляясь от нас. Кроме того, во время зимнего солнцестояния вокруг храма ¹⁷¹ семь раз обводят корову; обход называется «поисками Осириса», потому что богиня жаждет зимней воды. А идут они столько раз потому, что переход от зимнего солнцестояния к летнему совершается в семь месяцев. И говорят, что Гор, сын Исиды, раньше всех приносит жертвы солнцу, когда наступает четвертый день месяца; так это записано в книге «О дне рождения Гора». И каждый день египтяне воскуряют солнцу трояким образом: камедью на восходе, смирной в полдень и так называемым куфи на закате; какой смысл имеет каждое из этих воскурений, я расскажу позже. Они думают, что с помощью всего этого они возносят к солнцу молитвы и служат ему. Что за нужда, однако, нагромождать во множестве подобные мнения? Дело в том, что есть люди, которые прямо утверждают, что Осирис — это солнце и что эллины называют его Сириус ¹⁷², даже если добавление у египтян артикля делает имя сомнительным. Они же доказывают, что Исида — не что иное как луна. Поэтому де изображения ее с рогами являются подобиями лунного серпа, а черные покровы символизируют затмения и затемнения, в которых она, тоскуя по солнцу, следует за ним. Поэтому луну призывают в любовных делах, а Эвдокс ¹⁷³ говорит, что Исида повелевает любовью. Этим рассказам присуще хоть какое-то правдоподобие, но не стоит даже слушать тех, кто превращает Тифона в солнце. Однако вернемся опять к нашему собственному повествованию.

53. Итак, Исида есть женское начало природы, и она вмещает в себя всякое порождение, почему Платон ¹⁷⁴ восхваляет ее как «кормилицу» и как «всеобъемлющую», а большинство — как «многоименную» из-за того, что она принимает всяческие виды и формы, изменяясь по воле разумного начала. Она имеет врожденную любовь к Первому и Самому могущественному, что тождественно добру, и жаждет его, и стремится к нему. А доли зла она избегает и не принимает; являясь для обоих почвой и материалом, она по собственному побуждению склоняется всегда к лучшему, дает ему из себя потомство, позволяет осеменить себя истечением и подобием, и радуется этому, и счастлива, что зачинает и наполняется творениями. В материи же творение является образом сущности, а возникающее — подобием сущего.

54. Поэтому мифы, не противореча сути, рассказывают, что душа Осириса вечна и бессмертна, что плоть многократно разрывает и прячет Тифон и что Исида, странствуя, отыскивает и снова складывает тело: ибо сущее, сверхчувственное и благое сильнее уничтожения и перемены. Его образы отпечатывает на себе чувственное и телесное начало, принимая от него идеи, формы и подобию, которые, как печать на воске, остаются не навсегда; ими завладевает сила беспорядочная и вносящая расстройство, явившаяся сюда из высших сфер и ведущая войну с Гором, которого Исида родила как чувственное подобие нематериального мира ¹⁷⁵. Поэтому говорят, что он был привлечен Тифоном к суду за незаконнорожденность как тот, который не является чистым и беспримесным подобно отцу, самодовлеющему Разуму ¹⁷⁶, несмешанному и неизменному, но имеет

¹⁷¹ Разночтение: храма солнца. Griffiths, стр. 204; Loeb, стр. 126.

¹⁷² Dod., I, 11. Сириус здесь — не название звезды, но эпитет солнца: палящее.

¹⁷³ Fr. 297.

¹⁷⁴ Tim. 49a; 51a; 52d; 53a. Платон говорит о материнском начале, не называя его Исидой.

¹⁷⁵ νοητὸς κόσμος.

¹⁷⁶ λόγος αὐτὸς καθ'ἑαυτὸν.

естество, испорченное телесностью. Гор одолевает и побеждает благодаря Гермесу, то есть слову, которое свидетельствует и показывает, что природа творит мир, видоизменяясь через начало сверхчувственное. А рождение Аполлона от Осириса и Исиды, когда эти боги были еще во чреве Реи, есть символ того, что прежде чем мир стал зримым и материя была завершена с помощью разума, природа испытала самое себя и произвела на свет первое несовершенное порождение. Поэтому говорят, что этот бог родился в темноте калекой и называют его старшим Гором. Он не был миром, но только образом и отражением будущего мира.

55. Сам же Гор закончен и совершенен; и он не уничтожил Тифона совсем, но лишил его предприимчивости и силы. Поэтому в Копте, как говорят, статуя Гора держит в одной руке фалл Тифона. Также, согласно мифу, Гермес вырвал из Тифона жилы, чтобы использовать их на струны; так они учат, что разум, устраивая Всеобщность, сделал ее гармоничной из негармоничных частей и не уничтожил, но только искалечил разрушительную силу. Поэтому она, в нашем мире вялая и ослабленная, смешивается и соединяется со всякой бурной и изменчивой стихией и является творцом трясений и толчков на земле, засухи и дурных ветров в воздухе, а также громов и молний. Эта сила заражает мором воды и ветры, взбегает наверх до луны и беснуется, часто затемняя и уничтожая ее свет, так что египтяне думают и говорят, что в такой-то момент Тифон ударил Гора в глаз, в такой-то — выбил его и пожрал, а потом — снова отдал солнцу. Под ударом они разумеют ежемесячную убыль луны, а под увечьем — затмение, которое вылечивается солнцем, посылающим свет луне, когда та выходит из земной тени.

56. Итак, могущественная и божественная природа состоит из трех начал: сверхчувственного, материального и того, что происходит от них и что эллины именуют космосом. Платон¹⁷⁷ обычно называет сверхчувственное идеей, образцом и отцом, а материальное — матерью и кормилицей, а также вместилищем и почвой рождения; то же, что происходит об обоих, — отпрыском и порождением. И, видимо, египтяне сравнивают природу Всеобщности с красивейшим из треугольников, так что Платон в «Государстве»¹⁷⁸, кажется, воспользовался им, сочиняя символическое обозначение брака. Этот треугольник имеет катет из трех частей, основание — из четырех и гипотенузу — из пяти, причем сила ее¹⁷⁹ равна силе двух других сторон. Таким образом, катет можно считать мужским началом, основание — женским, а гипотенузу — отпрыском обоих. Также Осириса можно считать началом, Исиду — вместилищем, а Гора — исходом. К тому же «три» является первым нечетным и совершенным числом; «четыре» — это квадрат, стороны которого — четные двойки; «пять» же частью походит на отца, частью — на мать, будучи составлено из тройки и двойки. И Всеобщность (панта) получила имя от пяти (пенте), и вместо «считать» говорят «пятерить». Пять образует из себя числовой квадрат, равный количеству египетских букв и числу лет, прожитых Аписом¹⁸⁰. Что касается Гора, то его обычно называют еще Мин, что значит «зримый», ибо космос чувствен и зрим. А Исиду иногда называют Мут, а также Афири и Мефиер. Первое имя у них означает «мать», второе — «земное вместилище Гора», как у Платона¹⁸¹ — «кормилица» и «почва рождения». Третье имя составлено из «полноты»

¹⁷⁷ Tim. 50c—d.

¹⁷⁸ Resp. 546b—c.

¹⁷⁹ Квадрат.

¹⁸⁰ Существовало предание о том, что двадцатипятилетних Аписов топили, однако оно опровергается археологией. См. Коростовцев, ук. соч., стр. 14.

¹⁸¹ См. прим. 174.

и «блага»¹⁸²: ибо полна материя мира и связана она с благом, чистым, и упорядоченным.

57. Может показаться, что подобным же образом и Гесиод¹⁸³, делая первичными Хаос, Землю, Тартар и Любовь, имеет в виду не другие начала, но эти самые; если же говорить об именах, то, изменив их, мы так или иначе назовем Землю Исидой, Любовь — Осирисом, а Тартар — Тифоном; Хаос же, как представляется, поэт помещает внизу в качестве почвы и пространства Всеобщности. Эти обстоятельства, так или иначе, вызывают в памяти платоновский миф, который в «Пире» Сократ рассказывает о рождении Эрота¹⁸⁴. Он повествует, как Пеня, желая ребенка, прилегла к спящему Пору и, зачав от него, родила Эрота¹⁸⁵, имеющего смешанную и неоднородную природу, потому что он родился от отца благородного, мудрого и во всем независимого, от матери же — беспомощной, бедной, льнувшей из-за нужды к другим и кланчащей у них. А Пор — не кто иной, как первый возлюбленный, желанный, совершенный и независимый. Пеней же он назвал матерью, не имеющую в самой себе блага, однако наполняющуюся им и всегда стремящуюся к нему, и берущую его долю. Родившийся от них космос, или Гор, не является ни вечным, ни неизменным, ни бессмертным, но, беспрепятственно перерождаясь, он движется и остается юным и неуничтожимым благодаря периодам и смене явлений.

58. Итак, мифами нужно пользоваться не просто как историями, но следует выбирать из каждого полезное, руководствуясь сходством. Поэтому когда мы говорим о материи, не должно, увлекаясь учениями некоторых философов¹⁸⁶, полагать в ней некое бездушное тело, и бескачественное, и инертное, и бесполезное само по себе. Ведь мы называем елей материей мира¹⁸⁷, а золото — материей статуи, а они не лишены вовсе качественной определенности. И самое сознание и душу человека как сырой материал знания и доблести мы предоставляем разуму, чтобы он украшал и упорядочивал их. И некоторые доказывают, что ум является вместилищем идей и материей для оттиска сверхчувственного начала¹⁸⁸. А другие думают, что и семя женщины не является ни энергией, ни началом, но материей и пищей порождения. И вот как следует судить о богине тем, кто придерживается таких представлений: она постоянно причастна к первому богу и сочетается с ним из любви к красоте и благу, которые его окружают, и не чужда ему, но, как мы говорим, что законный и праведный муж любит по праву и порядочная женщина, имеющая мужа, тем не менее страстно желает его, так и она всегда льнет к нему, и просит у него, и наполняется важнейшими и чистейшими его частями.

59. И полагают, что когда Тифон совершает вторжение и достигает крайних пределов, то она впадает в уныние, и говорят, что она поднимает плач, разыскивает и одевает останки и клочья Осириса, а поврежденные части принимает в себя и скрывает их, чтобы снова явить и испустить из себя как порождения. Таким образом, мысли, образы и истечения бога, пребывающие на небе и звездах, остаются неизменными, а то, что рассеяно в изменчивой природе — в земле, море, животных и растениях,

¹⁸² Этимология Мут верна; Афири — греческая транскрипция имени Хатхор; наиболее приемлемое объяснение Мефиер — «великий поток», т. е. небесные воды, олицетворенные в образе коровы — Хатхор, богини изначальной водной стихии.

¹⁸³ Theog. 116 слл.

¹⁸⁴ Symp. 203b слл.

¹⁸⁵ Пор — «богатство», Пеня — «бедность», Эрот — «любовь».

¹⁸⁶ Diog. Laert., VII, 134: имеются в виду стоики.

¹⁸⁷ Миро — благовонное масло; не следует путать его с миррой (или смирной) — ароматической смолой.

¹⁸⁸ Arist., De Anima, 429a 20 слл.

то, что растерзано, погублено и похоронено, — часто вновь является и сияет в порождении. Поэтому миф гласит, что Нефтида сожительства с Тифоном, но что Осирис тайно сошелся с нею. Ведь разрушительная сила владеет преимущественно крайними пределами материи, которые называются Нефтидой, или Концом. А сила плодотворная и охранительная уделяет ей только слабое и хилое семя; его же губит Тифон, кроме того, которое Исида подбирает, сохраняет, вскармливает и возвращает.

60. Короче говоря, этот бог¹⁸⁹ — весьма благой, и так полагают Платон и Аристотель. Плодотворная и охранительная часть природы движется к нему и к бытию, а гибельная и разрушительная — от него и к небытию. Поэтому имя «Исида» производят от понятий «разумно двигаться» (иестай) и «влечься», ибо она есть одушевленное и осмысленное движение. Имя это не варварское, но как общее наименование всех богов (теос) происходит от слова «зримый» (театос) и «движущийся» (теон)¹⁹⁰, так и эту богиню мы, подобно египтянам, называем Исидой в честь знания и движения. Поэтому Платон говорит¹⁹¹, что древние выражали понятие сущности (усия), называя ее исия. Так же, по его словам, они толковали мысль (ноэсис) и сознание (фронэсис)¹⁹², которые являются как бы перемещением и движением разума, стремящегося и влекомого; и они усматривали единение, благо и доблесть во всем вечно текущем и влекущемся. Точно таким же образом противоположными именами они порицали зло: все, что сковывает и связывает природу, все, что задерживает и мешает стремлению и движению, они называют пороком (какиа), скудностью (апориа), трусостью (дейлиа), мукой (ания)¹⁹³.

61. Также Осирис имеет имя, составленное из слов «святой» (осиос) и «священный» (иерос)¹⁹⁴, ибо он является общим разумным началом¹⁹⁵ сущего в небе и в преисподней; причем у древних был обычай первое называть святым, а второе — священным. А тот, кто изъясняет небесные явления, — Анубис, который является законом вышней сферы, — тот иногда называется Германубисом; одним именем он связан с тем, что наверху, другим — с тем, что внизу. Поэтому в жертву ему приносят как белого петуха, так и пестрого: считают, что вышнее беспримесно и светло, а дальнее — смешанно и пестро. И не надо удивляться, что эти имена перекраиваются на греческий лад; ибо бесчисленное множество других слов, которые ушли в изгнание вместе с перекочевавшими из Эллады людьми, до сих пор сохраняются и живут как иноземцы среди чужих народов, и тот, кто называет их глоттами, ложно обвиняет поэзию, употребляющую некоторые из них, в варваризме. Еще пишут, что в так называемых Книгах Гермеса о священных именах говорится, что энергию, связанную с вращением солнца, египтяне называют Гором, а эллины — Аполлоном; энергию же, связанную с ветром, одни называют Осирисом, другие — Сараписом, третьи по-египетски — Софис. А Софис означает «беременность» (киэсис) или «быть беременной» (киэйн). Поэтому вследствие ошибки в словах по-гречески Псом (кион) называется то созвездие, которое считают уделом Исиды. Итак, менее всего стоит препираться из-за имен; однако я скорее уступлю египтянам имя Сараписа, чем

¹⁸⁹ Осирис.

¹⁹⁰ P l a t o, Crat. 397d.

¹⁹¹ Crat. 401c.

¹⁹² Ищет в этих словах корень «ис».

¹⁹³ Разлагает слова на два корня, один из которых — «иа», «движение». Получается: зло — дурное движение, скудость — недостаток движения, трусость — боязнь движения, мука — отсутствие движения.

¹⁹⁴ Выделяет корни «ос» и «ир»

¹⁹⁵ λόγος κοινός.

Осириса, ибо первое из них — чужеземное, второе — греческое, и я считаю, что оба они принадлежат одному богу и одной энергии.

62. Со всем этим согласуются и представления египтян; ибо часто они называют Исиду именем Афины, которое имеет следующее значение: «я сама пришла», что служит указанием на самопроизвольное движение. Тифон же, как было сказано, именуется Сетом, Бебоном и Сму, и этими именами хотят обозначить некую насильственную и стеснительную помеху, или противоречие, или переворот. Более того, как пишет Манефон¹⁹⁶, магнит называют костями Гора, а железо — костями Тифона, ибо оно часто как бы увлекается и притягивается магнитом, но часто — бывает отражено и отброшено в противоположную сторону. Точно так же спасительное, благое и разумное движение мира путем убеждения обращает, привлекает и смягчает упрямое движение Тифона, а потом, приблизив к себе, снова отталкивает и топит в беспредельности¹⁹⁷. И еще Эвдокс говорит¹⁹⁸, что египтяне в мифе о Зевсе рассказывают, будто у него были сросшиеся ноги и он не мог ходить и от стыда жил в пустыне; и что Исиды, расщепив и разделив эти части его тела, даровала ему легкую походку. Под всем этим миф подразумевает, что мысль или разум бога, сам по себе пребывавший в незримости и безвестности, оказался явленным благодаря движению¹⁹⁹.

63. Также систра является символом того, что все сущее по необходимости сотрясается и никогда не прекращает круговращения; напротив, все заснувшее и потухшее как бы расталкивается и пробуждается. Рассказывают, что с помощью систров отпугивают и отражают Тифона, и этим дают понять, что в то время как уничтожение связывает и подавляет природу, рождение вновь освобождает и воскрешает ее через движение. К тому же верхняя часть систра кругообразна, и дуга охватывает четыре сотрясаемых предмета; ведь и часть мира, подверженная рождению и смерти, объемлется лунной сферой и все в ней движется и изменяется через четыре стихии: огонь, землю, воду и воздух. На дуге систра, сверху, высекают кота с человеческим лицом, а внизу, под тем, что сотрясается, в одном месте — лицо Исиды, в другом — лицо Нефтиды²⁰⁰, обозначая ликами рождение и смерть, ведь именно они суть перемещение и движение элементов. А под котом подразумевается луна из-за пестроты, ночных блужданий и плодовитости зверя. Говорят, что он рождает одного детеныша, потом двух, трех, четырех и пятерых; и так он прибавляет по одному до семи, причем всегда рождает двадцать восемь, а таково число лунных суток. Впрочем, это, пожалуй, слишком фантастично. И кажется, что зрачки в глазах кота наполняются и расширяются в полнолуние, а при убыли светила — утончаются и слепнут. Человеческие же черты кота символизируют осмысленное и разумное начало в чередованиях луны.

64. Короче говоря, неверно считать воду, солнце, землю или небо Осирисом или Исидой; с другой стороны, если мы отнесем к Тифону не огонь, засуху или море, но вообще все неумеренное и неупорядоченное из-за избытка или недостатка, а все налаженное, благое и полезное будем чтить и уважать как дело Исиды и как образ, отражение и мысль Осириса, то мы не ошибемся. Мы также прервем Эвдокса²⁰¹, когда он выражает

¹⁹⁶ FHG II, стр. 613, fr. 77; FG rHist. III C, № 609, fr. 21.

¹⁹⁷ Разночтение: в скудости (Loeb, стр. 148).

¹⁹⁸ Fr. 299.

¹⁹⁹ εἰς γένεσιν ὑπὸ κινήσεως προήλθεν можно понять как: обрел творческую способность благодаря движению.

²⁰⁰ На египетских систрах обычно дважды изображалось лицо Хатхор и голова кошачьей богини Бастет.

²⁰¹ Fr. 298.

недоверие и недоумевают, почему Деметру не касаются любовные дела, а Исиду — касаются, и почему Дионис не может ни вызвать разлив Нила, ни править над мертвыми. Ибо путем простого рассуждения я заключаю, что эти боги повелевают всякой долей блага, и все благое и прекрасное в природе возникло благодаря им, причем Осирис дает начала, а Исида принимает и распределяет их.

65. Точно так же мы выступим и против многочисленных невежд, которым приятно соотносить легенды о столь великих богах или с сезонными переменами климата, или с пахотой, временем сева и рождением плодов. Они говорят, что Осириса хоронят, когда скрывается в землю посеянное зерно, и что он воскресает и является вновь, когда начинается произрастание. Поэтому рассказывают, что Исида, узнав, что зачала, надела амулет с наступлением шестого дня месяца Фаофи и что к зимнему солнцевороту она родила среди ранних цветов и побегов недооленного и недоразвитого Гарпократа. Поэтому ему приносят начатки взошедшей чечевицы, а день рождения празднуют после весеннего равноденствия. Тот, кто слушает подобные вещи, получает удовольствие и верит, поспешно обретая объяснение в том, что ему доступно и привычно.

66. И, напротив, нет ничего страшного, если, во-первых, египтяне свято блюдут общих (для всех людей) богов и не делают их своей собственностью, не распространяют их имена только на Нил и на землю, которую Нил орошает, не называют единственным божественным творением болото или лотос и не отнимают великих богов у остальных народов, у которых нет ни Нила, ни Бута, ни Мемфиса. Исиду же и связанных с ней богов знают и признают все люди, и если некоторых они научились называть египетскими именами недавно, то власть каждого знают и чтят с самого начала. Во-вторых, что более важно, они очень заботятся и боятся, как бы незаметно не уничтожить и не распылить божественное начало в ветре, реке, семени, жатве, состоянии земли и смене времен года, как делают те, кто отождествляет Диониса с вином, а Гефеста — с огнем. Также Клеанф где-то говорит ²⁰², что Персефона — это дуновение, которое поднимается от хлебов и гибнет. А некий поэт написал о жнецах:

когда сильные рассекают тело Деметры ²⁰³.

Эти люди несколько не отличаются от тех, кто считает парус, якорь и канат — кормчим, нить и челнок — ткачом, а чашу, медвяную смесь или ячменный напиток — врачом. Так они порождают ужасное и безбожное учение, перенося имена богов на бесчувственную и бездушную природу и вещи, которые неизбежно разрушаются людьми, имеющими в них нужду и пользующимися ими. Но невозможно представить себе, чтобы подобные явления были богами.

67. Ибо божество не лишено мысли и души ²⁰⁴ и не подчинено людям. Мы же признали богами тех, кто дарует и доставляет нам в пользование всевечное и долговечное, и мы не различаем разных богов у разных народов, ни варварских и эллинских, ни южных и северных. Но как солнце, луна, небо, земля и море являются общими для всех и только называются у разных людей по-разному, так для единого, все созидającego Разума, и для единого, всем распоряжающегося Промысла ²⁰⁵, и для благотворных, во всем распространенных сил у разных народов в соответствии с их обычаями существуют разные почести и названия. И небезопасно пользуются

²⁰² SVF I, 547. Клеанф (331—233 гг. до н. э.) — глава стоической школы после Зенона.

²⁰³ EGF I, стр. 73, fr. 11.

²⁰⁴ οὐ δυνούν οὐδ' ἄψυχον.

²⁰⁵ λόγος, πρόνοια.

священными символами, одни — смутными, другие — более ясными, направляя умозрение к божественному. Ибо некоторые, сбиваясь с пути, соскальзывают в суеверие, а другие, избегая суеверия как трясины, опять-таки неожиданно скатываются, как в пропасть, в безбожие.

68. Поэтому в таких делах нужно прежде всего взять в наставники философское учение и благочестиво рассуждать обо всем сказанном и сделанном. И как Феодор²⁰⁶ рассказывает, что слова его, которые он подавал правой рукой, некоторые из слушателей принимали левой, так да не ошибемся и мы, понимая иначе то, что законы прекрасно установили о жертвоприношениях и праздниках. А что все сводимо к разумному, это можно почерпнуть у самих египтян.

В девятнадцатый день первого месяца они устраивают праздник в честь Гермеса, едят мед и фиго и восклицают: «сладка истина». И амулет Исиды, который, согласно мифу, она надела на себя, толкуют как «правдивый голос»²⁰⁷. Также Гарпократа следует считать не уродливым богом-ребенком и не каким-нибудь божеством бобов, но защитником и выразителем раннего, несовершенного и несформировавшегося учения людей о богах. Поэтому он держит палец прижатым к губам в знак молчания и тишины. А в месяц Месоре ему приносят бобы и говорят: «Язык — счастье, язык — божество». Рассказывают, что из всех египетских растений богине чаще всего жертвуют персею, потому что плод ее похож на сердце, а лист — на язык. И из всего, чем владеет человек от рождения, нет ничего божественнее слова, особенно — слова о богах, и ничто не имеет большего значения для счастья. Поэтому приходящему сюда к оракулу²⁰⁸ мы советуем мыслить благочестиво и говорить пристойно. Но смешно поступает большинство людей, которые в процессиях и на праздниках провозглашают устами плашатая благоречие, а потом дурно говорят и думают о самих богах.

69. Но как же следует относиться к мрачным, безрадостным и скорбным празднествам и жертвам, если не подобает ни пренебрегать установлениями, ни смешивать и запутывать учение о богах нелепыми подозрениями? И у греков почти в то же самое время совершается многое, подобное тому, что делают египтяне во время священнослужений²⁰⁹. Так, в Афинах женщины в праздник Фесмофорий постятся, сидя на земле, а беотийцы передвигают святилища Скорбящей²¹⁰ и называют этот праздник тягостным, потому что Деметра пребывает в печали из-за ухода Керы вниз. На сезон Птелед приходится тот месяц посева, который египтяне называют Афир, афиняне — Пианепсион, а беотийцы — Даматрий. А Феопомп пишет, что обитатели запада считают и называют зиму Кроном, лето — Афродитой, а весну — Персефой и думают, что все произошло от Крона и Афродиты²¹¹. Фригийцы же, полагая, что зимой бог спит, а весной просыпается, то усыпляют его, то пробуждают вакхическим служением. А пафлагонцы утверждают, что зимой бог связан и заперт, а весной — встряхивается и освобождается.

²⁰⁶ Родился около 340 г. до н. э., ученик и последователь основателя киренской философской школы Аристиппа. Некоторые аспекты его этического учения и атеистические высказывания закрепили за ним репутацию аморалиста. См. Diog. Laert., II, 86; 97—103.

²⁰⁷ Или: голос — истина. Эту формулу произносил в загробном суде Осирис, оправдывая душу. Очевидно, Плутарх толкует амулет Исиды как символ оправдательного голоса, дарованного этой богине вслед за супругом.

²⁰⁸ По-видимому, речь идет о Дельфийском святилище.

²⁰⁹ Разночтение: в храмах Исиды. Norfner, стр. 42; Loeb, стр. 160.

²¹⁰ τῆς Ἀχαιᾶς. Не исключено, что этот эпитет означает «ахейская» (богиня).

²¹¹ FHG I, стр. 328, fr. 293; FGrHist. IIB, № 115, fr. 335. Запад — это Сицилия и Италия. В Кроне, очевидно, надо видеть Сатурна; Афродита чаще отождествлялась с весной, чем с летом.

70. Также определенное время года вызывает подозрение, что печаль происходит от сокрытия зерен, которых древние считали не богами, но дарами богов, великими и необходимыми для того, чтобы не жить дико и звероподобно. В ту пору, когда они видели, что плоды на деревьях портятся и совсем пропадают, они с трудом и скудно сеяли зерно, разгребая землю руками и снова накидывая ее, и клали семя в землю в неведении, примется ли оно и достигнет ли зрелости, и делали многое подобно тем, кто хоронит и скорбит. Опять-таки как о покупателе книг Платона мы говорим, что он покупает Платона, а о том, кто декламирует сочинения Менандра, говорим, что он играет Менандра, так они не чурались именами богов называть их дары и творения, почитая и возвеличивая их за полезность. Потом же, воспринимая это невежественно и без понимания, перенося на богов превращения зерна и не только называя, но и считая появление и исчезновение необходимого пропитания рождением и смертью богов, преисполнились глупых, преступных и мутных учений, хотя нелепость этой бессмыслицы была им в глаза.

И справедливо Ксенофан из Колофона²¹² настаивает, чтобы египтяне, если они считают плоды богами, не оплакивали их, а если оплакивают, то чтобы не считали богами: разве не смешно, что тот, кто оплакивает, одновременно молит их явиться вновь и созреть для него с тем, чтобы они опять погибли и были оплаканы.

71. Однако дело обстоит не так. Ведь они оплакивают плоды, а молят богов, первопричину и дарителей, чтобы те создали и взрастили новый урожай взамен погибшего. Поэтому прекрасно говорят философы, что тот, кто не научился правильно слышать слова, плохо проявляет себя и в деле. Так, некоторые из эллинов, не научившись и не привыкнув называть медные, рисованные и каменные изображения статуями и знаками почета богам, затем осмелились говорить, что Афину ободрал Лахар, златокудрого Аполлона остриг Дионисий, а Зевс Капитолийский сгорел и погиб во время Союзнической войны²¹³; таким образом они незаметно насаждают и протаскивают дурные представления, вытекающие из слов. Все это в не меньшей степени испытали и египтяне из-за почестей, оказываемых животным. В этом случае греки правильно и говорят, и думают, что голубь — любимая живность Афродиты, змея — Афины, ворон — Аполлона, а собака — Артемиды, как сказал Еврипид²¹⁴:

«Ты становишь собакой — кумиром светоносной Гекаты».

Большинство же египтян, холя и ублажая этих животных как богов, не просто наполнили свои священные обряды смешными и забавными вещами — это еще наименьшее зло глупости; но возникает ужасное учение, ввергающее слабых и невинных в подлинное суеверие, а у более остроумных и дерзких вырождающееся в дикие, отрицающие богов суждения. Поэтому будет не лишним сказать об этом разумное слово.

72. Представление о том, что боги вселились в подобных животных из страха перед Тифоном, как бы спрятавшись в тела ибисов, собак и соколов, перецеголяло всякую небылицу и сказку²¹⁵. Также недосто-

²¹² Vors. I, № 14, A13. Философ VI в. до н. э.

²¹³ В 300 г. до н. э. Лахар, возглавлявший оборону Афин от Деметрия Полиоркета, использовал позолоченное одеяние статуи Афины на военные нужды (P a u s., I, 25, 7; A t h e n., IX, 405F). По той же причине «остриг» Аполлона сиракузский тиран Дионисий Старший (A e l i a n., Var. Hist. I, 20). Храм Юпитера Капитолийского до времен Плутарха горел дважды: в 83 г. до н. э. при Сулле и в 69 г. н. э. при Вителлии (T a c., Hist. III, 72).

²¹⁴ N a u s k, fr. 959.

²¹⁵ Согласно египетской традиции в животных превратились Сет и его сторонники. О переселении благих богов сообщают античные авторы. См. Th. H o r f f e r, Fontes Historiae Religionis Aegypticae, Bonnae, 1922, ч. I, стр. 81; ч. II, стр. 151.

верно, что воскресение сохранившихся душ умерших происходит как переселение только в эти существа. Из тех, кто желает сослаться на государственные дела, одни рассказывают, что Осирис в большом своем походе разделил войско на многие части, которые по-гречески называются отрядами и колоннами, и дал всем знаки в виде зверей, каждый из которых стал священным и почитаемым для рода того, кому они были назначены; другие говорят, что позднейшие цари ради устрашения врага являлись, надев золотые и серебряные звериные маски; третьи же пишут, что один грозный и хитрый царь, усмотрев, что египтяне по природе легкомысленны и чрезвычайно склонны к переменам и новшествам и что, когда они единомышленны и действуют заодно, сила их непобедима и неукротима благодаря численности, явил им и посеял среди них неискоренимое суеверие как основание для вечного раздора. Так как разным племенам он приказал чтить и почитать разных тварей, а животные относились друг к другу неприязненно и враждебно и по своей природе стремились пожрать друг друга, то люди постоянно защищали каждый своих, с трудом переносили, если животных обижали и, незаметно вовлеченные в их вражду, перессорились между собой. И до сих пор среди египтян только ликополиты едят овцу в подражание волку, которого они считают богом. Оксирихиты же до наших дней ловят собаку, закалывают ее и поедают как жертвенное животное, потому что кинополиты едят осетра²¹⁶. По этой причине они вступили в войну, причинили друг другу ущерб, а позже были обузданы и помирены римлянами.

73. Но так как многие утверждают, что в эти твари²¹⁷ переселилась душа самого Тифона, то, возможно, миф символически показывает, что все неразумное и дикое в природе есть часть дурного демона, и для того, чтобы умиловить и унять его, пекутся и заботятся об этих животных. И если приключается длительная и тяжкая засуха, вызывающая сверх прочего или губительный мор или другие неожиданные и ужасные бедствия, то жрецы во мраке, тишине и молчании выводят некоторых из почитаемых животных и сначала грозят им и запугивают их, а если бедствие продолжается, закалывают и приносят их в жертву, как будто это является наказанием демона или, иначе, — великой искупительной жертвой в великой беде. А в городе Илифии, как пишет Манефон²¹⁸, живо сжигали людей, которых называли Тифоновыми и, провеивая их пепел, рассеивали и уничтожали его. И это делали открыто и в определенное время: в собачьи дни. Жертвоприношения же чтимых животных совершаются втайне, в неуставленный срок, от случая к случаю и скрытно от толпы, за исключением погребальных церемоний, когда выставляют трупы некоторых животных и хоронят их вместе, в присутствии всех, считая, что в свою очередь наносят ущерб и вредят тому, что любит Тифон. Ибо Осирису, по-видимому, посвящен только Апис с немногими другими животными, а Тифону предназначают большую часть тварей. Если это объяснение правильно, то я думаю, что оно отвечает на расспросы относительно тех животных, которые признаны всеми и которые получают общеизвестные почести; таковыми являются ибис, сокол, собакоголовая обезьяна, сам Апис и Мендес: так называют в городе Мендесе козла.

74. Остаются еще полезность и иносказательность; некоторые обычаи имеют то или другое основание, большинство же обладает и тем, и другим. Очевидно, что быка, овцу и фараонову мышшь стали чтить ради нуж-

²¹⁶ Названия городов происходят от слов «волк», «осетр» и «собака».

²¹⁷ Т. е. в почитаемых животных.

²¹⁸ FHG II, стр. 1616, fr. 84a; FGrHist. III C, № 609, fr. 22.

ды в них и их полезности (так, жители Лемноса чтят жаворонка, который отыскивает и разбивает яйца саранчи. А фессалийцы почитают аистов, потому что, когда земля порождает множество змей, аисты являются и уничтожают их всех. Поэтому они приняли закон о том, что каждый, убивший аиста, отправляется в изгнание); чтили также аспиду, ласку и скарабея, так как усматривали в них некое слабое подобие божественного могущества, как в каплях — отражение солнца. До сих пор многие думают и рассказывают, что ласка зачинает через ухо, а рождает — через рот, и что это — подобие рождения слова; также говорят, что скарабеи не имеют самок и что все самцы выпускают семя в вещество, сбитое в шарики, которые они катят, толкая их назад, так же как солнце по видимости вращает в обратном направлении небо, направляясь само с запада на восток.

Аспиду же сравнивают со звездой ²¹⁹, потому что он не стареет и двигается легко и ловко без помощи членов.

75. Так же и крокодил пользуется почетом, не лишеным убедительного основания, — ведь его называют подобием бога потому, что только у него одного нет языка, а божественное слово не нуждается в звуке и,

«двигаясь по бесшумному пути, справедливо правит делами смертных» ²²⁰.

И говорят, что из обитателей воды только у него одного глаза прикрывает нежная и прозрачная пленка, спускающаяся со лба, так что он видит, будучи невидимым, а это свойство присуще Первому богу. И где самка крокодила откладывает яйца, там она отмечает предел разлива Нила. Ибо откладывать в воде они не могут, далеко от воды — боятся, но так точно предугадывают будущее, что, принося и обогревая яйца, они пользуются подъемом реки и сохраняют их сухими и неподмоченными. Они кладут шестьдесят яиц, столько же дней высиживают их, и столько же лет живут самые долголетние крокодилы, а это число — первое для тех, кто занимается небесными светилами. Что касается животных, которых почитают по двум причинам, то о собаке было сказано выше. Ибис же, который убивает смертоносных пресмыкающихся, первым научил людей пользоваться лечебными очищениями, ибо они видели, как он промывает и опорожняет сам себя. И самые строгие жрецы, подвергаясь очищению, берут очистительную воду там, где пил ибис, потому что если вода вредна или околдована, он не пьет ее и даже не подходит к ней. Расстояние между ногами и промежуток между ногами и клювом образуют у него равносторонний треугольник, а узорчатое смешение его черных и белых перьев напоминает месяц. И не нужно удивляться, что египтяне привержены к таким слабым подобиям. Ведь и греки для лепных и рисованных изображений богов используют многие похожие символы.

Например, на Крите была статуя Зевса, не имеющая ушей: ибо ничего не подобает слышать повелителю и владыке всего сущего. Возле статуи Афины Фидий поместил змею, а возле статуи Афродиты в Элиде — черепаху, потому что девы нуждаются в защите, а замужним женщинам пристали домоседство и молчаливость. Трезубец же Посейдона символизирует третью часть земли, которой владеет море, занимающее место после неба и воздуха; и отсюда произошли имена Амфитриты и тритонов. Также пифагорейцы украшают именами богов числа и фигуры. Равносторонний треугольник они называют Афиной, рожденной из го-

²¹⁹ Разночтение: с молнией. Loeb, стр. 172. Аспид — это, видимо, кобра, звезда — Сириус.

²²⁰ E u r i p . Troades 887 сл.

ловы и трижды рожденной ²²¹, потому что его делят три перпендикуляра, проведенные из трех углов. Единицу называют Аполлоном из-за того, что она отрицает множественность и из-за простоты единичного; двойку — раздором и дерзостью, а тройку — справедливостью: так как нанесение несправедливости и претерпевание оной проистекает из недостатка и избытка, то справедливость благодаря равновесию оказывается посредине; а так называемая четверица, число тридцать шесть, была, как общеизвестно, величайшей клятвой и называлась космосом, потому что она образована из соединения первых четырех четных и четырех нечетных чисел ²²².

76. Итак, если самые знаменитые философы, усматривавшие отражение божества в бездушных и бестелесных элементах, думали, что ничем нельзя пренебрегать и ничто нельзя оставлять без внимания, то я полагаю, что особи, облеченные в естество, способное к восприятию, имеющее душу, чувство и характер, тем более достойны любви; и почитают не их, но через них — божество, потому что они являются его яснейшим и природным зеркалом и потому что в них надо признать творения и создания все устрояющего бога ²²³. Да и вообще не следует бездушное ценить выше одушевленного и бесчувственное — выше способного к восприятию, не следует — даже если бы кто-нибудь соединил вместе и воедино все золото и все смарагды. Не в цвете, форме или гладкости обитает божество, ибо то, что не причастно и по природе своей не может быть причастно к жизни, имеет участь более бесславную, чем участь мертвых. Природа же, которая живет, видит, имеет в себе источник движения и знание своего и чужого, впитала в себя истечение и долю красоты от Мыслящего, «кем управляется Все», — как сказал Гераклит ²²⁴. Поэтому нисколько не хуже уподоблять божество этим живностям, чем медным и каменным изделиям, которые подвержены порче и изменению и лишены от природы всякого чувства и разума. Вот что больше всего одобряю я из того, что говорят о почитаемых животных.

77. Что касается одежды, то у Исиды она пестрого цвета, ибо, принадлежа к материи, энергия ее становится всем и все в себе заключает: свет и тьму, день и ночь, огонь и воду, жизнь и смерть, начало и конец. Одевание же Осириса не приемлет тень и пестроту и является одним чистым подобием света, ибо начало — беспримесно, и ни с чем не смешано первичное и сверхчувственное. Поэтому, надев однажды это платье, жрецы затем снимают его и берегут невидимым и неприкосновенным. А покровами Исиды они пользуются часто, потому что чувственное и доступное, когда его используют, представляет много случаев раскрывать и лицедрезать себя, изменяясь каждый раз по-разному. Напротив, знание сверхчувственного, чистого и простого ²²⁵, просияв сквозь душу, как молния, только один раз позволяет коснуться и увидеть себя. Поэтому Платон и Аристотель ²²⁶ называют все это мистической частью философии, ибо, миновав сложное и разнородное с помощью разума, люди возносятся к этому первичному, простому и нематериальному началу и, по-настоящему коснувшись заключенной в нем чистой истины, полагают, что обладают, наконец, всей мудростью.

²²¹ Афина-Тригогения. Может быть, эпитет происходит от места рождения Афины — ливийской реки Тритон; в целом нельзя найти ни одного вполне удовлетворительного его объяснения.

²²² $1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7 + 8 = 36$.

²²³ Разночтение: так что в душе надо видеть орудие все устрояющего бога.

²²⁴ Voss. I, 12B, 41.

²²⁵ Разночтение: и священного. Griffiths, стр. 242.

²²⁶ Plato, Symp. 210a слл. В дошедших до наших дней трудах Аристотеля подобное высказывание не встречается.

78. И вот на что осторожно намекают нынешние жрецы, служа истине и укрывая ее: этот бог ²²⁷ правит и царствует над мертвыми, и он есть не кто иной, как тот, кто называется у эллинов Плутоном, или Гадесом; а так как истина эта непонятна, то она приводит в замешательство многих людей, подозревающих, что в самом деле святой и священный Осирис обитает в земле и под землей, где скрываются тела тех, кто, как полагают, обрел конец.

Напротив, этот бог очень далек от земли и пребывает нетронутым, незапятнанным и чистым от всякой сущности, причастной к разрушению и смерти. И для людских душ, которые облакаются в этом мире в тела и страсти, бывает сопричастие богу только как образу туманного сновидения, которого можно коснуться познанием с помощью философии. Когда же души освобождаются и переходят в невидимое, незримое, невозмутимое и непорочное обиталище, тогда этот бог становится для них владыкой и царем, из-за него они как бы привязаны к несказанной и невыразимой для людей красоте, созерцают ее и ненасытно стремятся к ней. И, как гласит старинное предание, Исида, полюбив красоту, вечно тяготея к ней и пребывая с ней, наполняет наш мир всем прекрасным и благим, что имеет отношение к рождению. Таково объяснение всего этого, более всего соответствующее божественной природе.

79. И если еще надлежит, как я обещал, рассказать о ежедневных воскурениях, то кто-нибудь сначала мог бы подумать об этом, что люди всегда окружают великой заботой обычаи, имеющие отношение к здоровью; особенно религиозным обрядам, очищениям и строгому образу жизни попечение о здоровье присуще не меньше, чем благочестие. Ибо египтяне не считают достойным служить с большими и порченными изнутри телами или душами чистому, всецело невредимому и незапятнанному. В самом деле, воздух, которым мы пользуемся и с которым соприкасаемся больше всего, не всегда имеет один и тот же состав и состояние, но по ночам уплотняет и сдавливает тело и вместе с ним ввергает в уныние и заботу душу, как бы отяжелевшую и отуманенную; поэтому, восстав ото сна, они тотчас возжигают камедь, оздоравливая и очищая воздух через разряжение его, и снова воспламеняют угасший природный дух тела, потому что аромат камеди имеет в себе нечто мощное и возбуждающее. Опять-таки, когда они видят, что полуденное солнце силой увлекает с земли обильные и тяжелые испарения и смешивает их с воздухом, тогда они возжигают смирну, ибо тепло разгоняет и рассеивает сгустившуюся в атмосфере муть и пыль.

По-видимому, из тех же соображений врачи в случае эпидемии оказывают помощь, разжигая большой огонь и очищая воздух. Лучше всего он очищается, если жгут пахучее дерево, например, кипарис, можжевельник и сосну.

Рассказывают, что в Афинах во время большой эпидемии представился врач Акрон, который велел разводить возле больных огонь: он помог немалому числу людей. И Аристотель ²²⁸ утверждает, что благоуханное дыхание пахучих растений, цветов и лугов приносит не меньше здоровья, чем удовольствия, потому что теплотой и нежностью оно постепенно размягчает холодный и бесчувственный от природы мозг. И если египтяне называют смирну «баль», а перевод этого слова означает прежде всего «изгнание избытка», то это, может быть, дает некоторое подтверждение нашему мнению о причине ее употребления.

²²⁷ Осирис.

²²⁸ В сохранившихся работах Аристотеля ближе всего к этому фрагменту стоят рассуждения в Part. Anim. 2, 7.

80. А смесь куфи²²⁹ образуется из шестнадцати составных частей: из меда, вина, изюма, кипера, камеди, смирны, колючего дрока, сесели, морского лука, горной смолы, тростника, щавеля; кроме того, из обоих видов можжевельных ягод (из которых один называют большим, а другой меньшим), из кардамона и аира. Сочетаются они не как придется, но, когда парфюмеры смешивают все это, им читают священные письма. Менее всего можно утверждать, что само число способствует успеху, хотя оно кажется весьма достойным похвалы, ибо является квадратом квадрата и единственное из всех чисел, содержащих квадрат, имеет периметр, равный площади. Но дело в том, что большинство компонентов состава содержат ароматическую энергию и испускают сладостные и полезные веяния и испарения, от которых воздух преобразуется, а тело, медленно и легко движущееся среди дуновений, приобретает состав, располагающий ко сну; и все печали и напряжения дневных забот без помощи вина аромат распускает как узлы и ослабляет. Он полирует, как зеркало, орган, воспринимающий сны и фантазии, и проясняет его не менее, чем звуки лиры, к которой перед сном прибегают пифагорейцы, заклиная и успокаивая страстное и неразумное начало души. Пахучие растения часто возвращают потерянную чувствительность, часто, напротив, притупляют и ослабляют ее вновь, когда их испарения нежно разливаются по телу. Поэтому некоторые врачи говорят, что сон возникает тогда, когда испарения от пищи, легко движущейся по внутренностям и соприкасающиеся с ними, производят нечто вроде щекотки. Куфи пользуются и как питьем, и как мазью; думают, что когда его пьют, то оно, будучи смягчительным средством, очищает внутренности. Кроме того, смола происходит от солнца, а смирна — от растений, источающих смолку на солнечном свету.

Из трав, входящих в состав куфи, есть такие, которые больше любят ночь, подобно тем, что по природе своей набирают силу от холодных ветров, тени, росы и влаги. И в то время как свет дня единичен и прост, — ведь Пиндар сказал, что солнце видно «в пустынном эфире»²³⁰ — ночной воздух является разбавкой и смесью многих видов света и энергии, как будто со всех звезд в одно место упали семена. Итак, вполне справедливо благовоения, простые и ведущие свой род от солнца, они воскурят днем, а иное, как нечто смешанное и качественно разнородное, — с наступлением ночи²³¹.

²²⁹ Рецепт куфи, очевидно, заимствован Плутархом у Манефона. FHG II, стр. 616, fr. 84b.

²³⁰ Olym. I, 6.

²³¹ Неизвестно, оборван текст трактата или кончается этой главой.